

К ВОПРОСУ О ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЯЗЫКА ХАДЗА

В настоящее время не приходится сомневаться в существовании койсанской языковой семьи как реальной таксономической единицы, отражающей именно генетическое родство входящих в нее языков, а не результат позднейшей конвергенции. Гипотеза о том, что три основные языковые группы, характеризующиеся наличием т.н. «кликсов» (щелчковых фонем) — северно-койсанская, или жу; южно-койсанская, или таа-!ви; и центрально-койсанская, или кхой — восходят к общекойсанскому единству, зародившаяся уже на начальном этапе исследования койсанских языков и затем встроенная в общую классификацию африканских языков Дж. Гринберга, на современном этапе получила твердую поддержку, в частности в работе Б. Сэндс [Sands 1998], где на основании целого ряда сравнительных тестов в области фонологии, морфологии и лексики были получены в целом позитивные результаты. Подтверждается общекойсанская гипотеза и данными предварительного лексикостатистического обследования [Starostin 2003].

Помимо трех больших групп, в число потенциальных «кандидатов» на включение их в состав койсанской семьи входят также четыре языка-изолята: ≠хоан, сандаве, хадза и вымерший язык квади. Первый из них, как показано уже в работе [Traill 1973], достаточно тесно связан с северно- и южно-койсанской группами; лексикостатистическое обследование [Starostin 2003] убедительно доказывает, что он является своего рода «старшим родственником» группы жу.

Гораздо сложнее ситуация с сандаве; количество лексических сходжений между ним и любой отдельно взятой койсанской подгруппой невелико, причем сравнение осложняется тем,

что общая фонологическая структура сандаве имеет ряд принципиальных отличий от «типично койсанской» структуры (имеется отдельный ряд латеральных аффрикат, лишь окказионально встречающихся в собственно койсанских языках; типичная структура корня — двусложная, в отличие от преимущественно односложной в остальных языках).

Тем не менее и здесь оказывается возможным установить такие связи между сандаве и остальными койсанскими группами, которые не только не могут носить случайный характер, но и свидетельствуют скорее в пользу глубокого родства, чем языковых контактов. Целый ряд таких связей отмечен в работе [Sands 1998], и именно на материале сандаве удастся показать [Ehret 1986; Starostin 2007], что моносиллабичность многих койсанских корней на самом деле развилась вторично в результате сокращения первоначально двусложных корней (ср. сандаве *χana* 'рог' — центрально-койсан. *//ǎ- id.; сандаве *thuḵa* 'плевок' — центрально-койсан. *#kxe id. и др.)¹.

Наконец, в работе [Güldemann & Elderkin 2003] убедительно показано, что в койсанскую семью должен быть включен и вымерший язык квади. Несмотря на скудность данных по лексике и грамматике этого языка, их в целом достаточно для того, чтобы показать его тесную связь с языками центрально-койсанской группы, а также, вероятно, и с сандаве.

Таким образом, единственным «потенциально койсанским» языком-изолятом, статус которого до сих пор не определен, остается хадза. Ареал распространения этого языка (несколько сотен носителей в районе озера Эяси в Танзании) достаточно

¹ Транскрипционная запись кликсов в данной работе совпадает с общепринятой: θ — лабиальный, ! — дентальный, # — палатальный, ! — альвеолярный, || — латеральный. Прочие условности в транскрипции койсанского материала: χ — латеральная аффриката; точка под согласным обозначает глоттализированность; знак тильды над гласным или кликсом — назальную артикуляцию; знак тильды под гласным — фарингализацию; прочие диакритические знаки над гласными — тоновую характеристику.

близок к ареалу сандаве, и многие из типологических характеристик, отличающих сандаве от остальных койсанских групп, применимы и к хадза (латеральные аффрикаты, многосложность корня, три серии кликсов вместо четырех и т.п.). Однако типологические сходжения сами по себе не могут служить признаком генетического родства; для постулирования последнего необходимо, чтобы они были подкреплены достаточным количеством морфемных сходжений в области грамматики и лексики, и здесь мы сталкиваемся со значительными проблемами.

Лексика языка хадза была впервые описана Д. Блик, которая в своем сравнительном словаре [Bleek 1956] включила его в состав центрально-койсанской подгруппы (в ее нотации он кодируется как СIII). Эта классификация, однако, была основана на достаточно поверхностном знакомстве с языками самой этой подгруппы, а также на (частично) ошибочном анализе собственно материала хадза.

Значительно более серьезной оказалась работа Дж. Гринберга. В своей основополагающей монографии, посвященной общей классификации языков Африки [Greenberg 1966], последний, как и Блик, считает необходимым причислить хадза к койсанской семье, но уже в качестве отдельной, самостоятельной ветви. Из 116 лексических сравнений, приводимых Гринбергом для обоснования койсанской макрофили как реальной таксономической единицы, 75 содержат параллели из хадза, причем 18 из них относятся к стословному списку Свадеша, т.е. представляют наиболее устойчивый слой базисной лексики, мало склонной к замене через языковые контакты. Гринберг приводит и ряд грамматических сходжений между хадза, сандаве и другими представителями койсанской семьи.

Несмотря на то, что в целом африканская, и в том числе койсанская, классификация Гринберга заслужила признание со стороны лингвистов-африканистов, его конкретные соображения относительно статуса хадза не раз подвергались основательной критике. Показательна в этом плане статья Д. Элдерки-

на [Elderkin 1982], который указывает на ряд ошибок, допущенных Гринбергом при анализе грамматического материала хадза. Учитывая, что все привлекаемые к сравнению языки — как собственно, так и «потенциально» койсанские — отличаются достаточно бедной морфологической системой, такие ошибки могут негативно сказаться на любых классификационных выводах.

К этому нужно добавить, что и число лексических соответствий, отмечаемых Гринбергом, при критическом разборе сокращается до весьма незначительных пропорций. Одни из них основаны на ошибочной фонетической записи Д. Блик (ср. № 35 'слон': хадза *bellk?au* — на самом деле *beḳahu-*, без латерального кликса, что в значительной степени обесценивает сопоставление с такими формами, как !кунг *!xo id.* и др.); другие представляют собой схождения с одной-единственной формой какого-либо одного языка, часто в записи той же Д. Блик и потому столь же малонадежной (ср. № 97 'плавать': хадза *!ka* — наро *!kha* и др.); наконец, третьи на самом деле относятся к области ареальной культурной лексики (ср. № 116 'год' — хадза *curi*, наро *kuri*, !кунг *kuri*, нама *guri* и др. — по-видимому, «бродячий» культурный термин).

Тем не менее, поскольку методика Гринберга носит субъективный характер, степень доказательности приводимых им параллелей оценить достаточно сложно. Более показательны в этой ситуации результаты предварительного лексико-статистического обследования, при котором диапазон сравняваемой лексики определен четко и однозначно, а семантические отклонения при сопоставлении недопустимы.

К сожалению, и здесь результаты носят скорее негативный характер; совпадения в пределах стословного списка между хадза и наиболее хорошо изученными представителями койсанских подгрупп, как правило, не выходят за рамки 3–5 %. Ср.:

— с языком жу|хоан (северно-койсанская группа): *wai-na* 'весь' ⇔ жу. *wè-šè*; *zana* 'новый' ⇔ жу. *zè*; *za* 'приходить' ⇔ жу.

ci; возможно, также *ono* 'я' < жу. *mí* (но только при условии, что обе формы отражают ПК **ɲV*);

— с языком !хонг (южно-койсанская группа): *hi-çá* 'жир' < !хонг *sã*; *ono* 'я' < !хонг *ñ*; *çiço* 'дым' < !хонг *ckxâ-ye*; *ha* 'этот' < !хонг ?*VV*; *za* 'приходить' < !хонг *sñi*; возможно, также (n)?*áma-ci* 'вошь' < !хонг *õú* id. (при условии, что лабиальный кликс в !хонг может соответствовать сочетанию дентального кликса с лабиальным носовым в хадза);

— с языком наро (центрально-койсанская подгруппа): *wai-na* 'весь' < наро *we*; *guruŋguri* 'колени' < наро *!úru* (для хадза более вероятно, однако, заимствование из иракв *guruŋgura*); *çiço* 'дым' < наро *c?ini* (изначально, вероятно, из **ckxini*); *çáhó* 'хвост' < наро *cáó*;

— с сандаве: *pákapá?a* 'большой' < сандаве *bá?e*; *thithi* 'птица' < сандаве *thui*; *hi-çá* 'жир' < сандаве *chã*; (n)?*áma-ci* 'вошь' < сандаве *mãl?a*; *çiço* 'дым' < сандаве *çuça*; *çáhó* 'хвост' < сандаве *çwa*; *haka* 'идти' < сандаве *hiç(i)*.

Из приведенных сопоставлений очевиден небольшой «подскок» при сравнении с сандаве, который, однако, может объясняться и более тесными ареальными связями. Все же прочие сопоставления лежат в рамках статистической погрешности, т.е. в лучшем случае могут предполагать какое-то сверхглубокое родство, но ни в коем случае не доказывают, что хадза связан с прочими койсанскими языками теснее, чем, например, языки нигер-кордофанской макрофилы (или любой другой языковой семьи, как в самой Африке, так и за ее пределами).

Аналогичным образом тяжело доказать наличие каких-то особых отношений между хадза и другими койсанскими языками на основании грамматических данных, особенно учитывая, что койсанская грамматика в большой степени аналитическая, а инвентари грамматических морфем даже внутри самой койсанской семьи зачастую трудносводимы к единой системе.

Подозрительно выглядит, например, тот факт, что основные сходжения в области местоимений и местоименных показателей

Дж. Гринберг находит среди соответствующих морфем, имеющих значение 3 л. (напр., хадза *-sa* 'поссесивный показатель 3 л. ж.р.' \diamond нарo *-sa* 'показатель женского рода'), в то время как среди местоименных морфем 1 и 2л. такие схождения начисто отсутствуют; обычно наибольшей устойчивостью в языках мира обладают именно местоимения 1 и 2 л., в то время как система показателей 3 л., напротив, будучи тесно связана с указательными местоимениями, гораздо более изменчива. Но даже и здесь налицо скорее отдельные совпадения между (в основном) моносегментными морфемами, чем какие-либо систематические соответствия.

Речь, тем не менее, идет не о том, чтобы на основании скудности сравнительных данных вынести категорическое суждение о непринадлежности хадза к койсанской макрофиле. Как известно, доказать отсутствие генетического родства между языками в принципе невозможно. Даже те немногочисленные параллели, которые приведены у Гринберга и отмечены в стословных списках, достаточны для того, чтобы предположить, по крайней мере, сверхглубокое родство (с точки зрения глоттохронологии — от 12-го тысячелетия до н.э. и выше). Вопрос следует ставить скорее в другой плоскости: возможна ли для хадза альтернатива койсанской гипотезе, т.е. верно ли, что нет такой языковой семьи, число схождения между которой и хадза выше, чем между хадза и койсанской?

Две главные причины, по которым большинство попыток установить генетические связи хадза с другими языками было связано именно с койсанской семьей, можно охарактеризовать следующим образом:

а) в хадза обнаруживается значительный слой лексики, содержащей кликсы, причем с точки зрения состава кликсовый инвентарь хадза близок к инвентарю сандаве;

б) никаких однозначных и интуитивно очевидных связей между хадза и некойсанскими языковыми семьями Африки установить не удается, что не дает нам права говорить о вторич-

ном происхождении «кликсованной» лексики в этом языке, уподобляя его таким известным языкам, как зулу и коса, вопрос о принадлежности которых к койсанской семье, несмотря на наличие в них кликсов, никогда не ставился из-за их очевидного генетического родства с другими языками банту.

Все прочие аргументы — лексические и грамматические схождения — по-видимому, вторичны здесь по отношению к интуитивной аргументации общетипологического характера. Наша задача, таким образом, заключается в том, чтобы, выведя на передний план именно лексику и грамматику, попытаться точнее определить место хадза внутри общеафриканской классификации.

Едва ли не единственной работой, посвященной систематическому сопоставлению данных хадза не только с койсанской, но и с прочими африканскими макросемьями, на настоящий момент является уже упомянутая выше работа Д. Элдеркина [Elderkin 1982]. В своем сравнении он, правда, ограничивается отдельными ветвями афразийской макросемьи (кушитской, омотской, чадской), а также привлекает данные т.н. кулякской группы (языки ик, тепес и ньянги), которую обычно включают в состав нило-сахарской макросемьи. Но даже на материале тех относительно немногочисленных параллелей, которые перечислены в работе, создается впечатление, что афразийская гипотеза для хадза не менее, а, возможно, даже более вероятна, чем койсанская.

Основная проблема здесь заключается в том, чтобы четко отличить заимствованные слои лексики от исконных. В этом плане хадза представляет собой тяжелый случай. Носители этого языка проживают на стыке регионов, населенных представителями и афразийской, и нило-сахарской, и нигер-кордофанской семей. Постоянные контакты с культурно доминирующими соседями обеспечивают огромный поток заимствований, в основном связанных с культурной терминологией, но иногда, по-видимому, затрагивающих и базисные понятия. Парадоксальным образом единственная семья, с которой у хадза никаких

контактов нет, — койсанская. Однако это не может означать, что хадза-койсанские сходжения должны автоматически рассматриваться как унаследованные генетически, поскольку невозможно исключить, что в прошлом такие контакты все же были, учитывая, что ареал распространения койсанских языков до относительно недавнего времени был намного шире.

Проще всего выделяется в хадза слой бантусской лексики, которая почти никогда не проникает в базисную область; соответствующие заимствования часто характеризуются фонетическими особенностями, в целом нетипичными для хадза, например, преназализацией (*mbita* 'война', *mbogoši* 'мешок'). В стословном списке хадза обнаруживаются два явных заимствования из банту: *malundi* 'облако' (ср. банту **-dunde*) и *pie* 'два' (ср. банту **-badi* / **-bidi*); ср., возможно, также *!ʔama* 'рыба' = банту **-cómá*, при условии вторичного развития на месте старой аффрикаты дентального кликса (вообще этот бантусский корень охотно заимствуется в койсанские языки — ср. сандаве *somba*).

Близкое соседство хадза с южнокушитскими языками (такими, как иракв и квадза) привело к массивованному заимствованию лексики и из этих источников. В пределах стословника обнаруживаются такие заимствования, как *yatoa* 'земля' (иракв *yātu*), *hai* 'перо' (иракв *hayu*), а также уже упоминавшееся выше *guruṅguru* 'колени' (иракв *guruṅgura*). Все эти слова имеют кушитскую этимологию; фонетическое же сходство между ними и параллелями в хадза настолько сильно, что при отсутствии других подобного рода сопоставлений в стословном списке они должны однозначно рассматриваться именно как заимствования, а не следы родства.

Гораздо менее однозначны параллели между хадза и омотскими языками, приводимые Элдеркином. С одной стороны, большая часть их относится именно к базисной лексике; с другой — они не всегда производят впечатления заимствованных, прежде всего из-за более низкой степени фонетического сходст-

ва, чем между приводимыми выше хадза-иракв сравнениями. Сравни:

хадза *ḥoma* 'голова' < баскето *ḥomma*; *ṣaha*- 'знать' < диме *ṭes*; *mana* 'мясо' < кефа *mēno*; *ʔawani*- 'рот' < банна *āro*; *heḥwa* 'кора' < шинаша *feḥa*, веламо *foḥo*; *tiči*- 'черный' < банна *çiṭa*; *ʔathama* 'кровь' < моча *dēmo*; *miḥa* 'кость' < веламо *teḥeta*; *ʔule* 'яйцо' < хамер *bvll*.

Здесь из 20 сопоставлений Элдеркина приведены лишь наиболее убедительные. Однако уже на таком материале, даже учитывая, что с омотской стороны приводятся не реконструкции, а параллели из отдельных языков, видно, что с точки зрения лексикологии омотско-хадза (и, следовательно, афразийско-хадза) сравнение намного перспективнее, чем койсанско-хадза.

При более пристальном анализе омотского материала оказывается, что сходжений в пределах стословного списка на самом деле даже больше, чем в списке Элдеркина. Ниже приводится основной материал (омотские списки любезно предоставлены в распоряжение автора В. Блажеком):

wai-na 'все' < баскето, докка *woytsi*;

ʔakhwa- 'глаз' < баскето *af*, банна *afi*, хамер *api* и др. (только в том случае, если в хадза *ʔakhwa*- диссимилировано из **ʔarwa*-, т. к. в омотском неизвестны случаи развития губных согласных из лабиализованных велярных);

ḥoma 'голова' < баскето *ḥomma*, докка *ḥ(ʷ)om*, мало *ḥómmo*, качама *ʔúumta* и др.;

heḥwa 'кора' < волаита *fokuwa*, кулло *roḥuwa*, гофа *foḥo* и др.;

miḥa 'кость' < баскето *teḥes*, докка *miḥas*, кулло *teḥesa* и др.;

ʔathama 'кровь' < кафа *dammo*, моча *damo* (формы иногда считаются заимствованными из эфиосемитского **dam-*, что, однако, не противоречит сравнению с общеафразийским **dam-* 'кровь');

kaʎe- 'кусать' <> хамер *gaʔ*-, банна, галила *gaʔ*- и др.;

haça[-phi] 'лист', *haça-pi-çi* 'ухо' (в транскрипции Б. Сэнде второе слово выглядит как *hašʔariçi*, однако в полевых записях А. Такера в обоих случаях налицо свистящая аффриката; учитывая, что семантическая связь между 'листом' и 'ухом' для данного региона вполне типична, эти два слова следует считать однокоренными) <> волайта *haytta*, кулло *hayca* 'лист', 'ухо';

icha-me 'один' <> волайта *is-ta*, гофа *issino*, йемса *isa* и др.;

çawa 'песок' <> мао *šā^wà*, анфилло *šāpo*, гофа *šapo* и др.;

ʔo-ʔa, *ʔo-so* '(быть) полным' <> дизи *ʂoz*, банна *ʂoši*, галила *çõçi*;

ʔawani- 'рот' <> диме *ʔafe*, банна *afa*, ари *afa* и др.;

he- 'сказать' <> койра *hii*-, качама *hii*- и др.;

llaʔano 'собака' <> баскетто, докка и др. *kana*;

ʔika- 'стоять' <> волайта *eķķ*-, гаму *ʔeķ*-, ойда *eķ*- и др.;

te 'ты' <> дизи *yetu*, шако *yeťa*, найи *yeta*;

çuci-phi 'холодный' <> дизи *ço-u*, шако *šow*; мао *šūš*;

tiçi- 'черный' <> мао *tì:šindè* (ср. также ше *çid*);

ha 'этот' <> кулло *haa*, мало *hái* и др.;

ono 'я' <> дизи *inu*, найи *na*, хозо *na-ga* и др.;

ʔule 'яйцо' <> мале *bulla*, ше *mul*, хамер *bvla* и др.

Помимо вышеперечисленных (21 параллель), отмечено еще несколько случаев, когда созвучный корень имеется только в одном омотском языке (напр., ше *çea* 'хороший' <> хадза *çiʔeʔe*). Наконец, возможен еще целый ряд сопоставлений, сомнительных из-за серьезных фонетических расхождений (ср., например, волайта *inʔarsa*, гофа *incarsa*, койра *ʔúnçúre* и др. 'язык' <> хадза *ʔatha* id.) и потому не включенных в основной список. Тем не менее в смысле надежности они не уступают многим из предложенных на настоящий момент в литературе хадза-койсанских «этимологий».

Разумеется, все это не означает, что хадза должен быть автоматически причислен к омотской группе; для этого необходи-

мо иметь более полный корпус этимологий с установленными фонетическими соответствиями. Очевидно другое: во-первых, число сопоставлений почти в два раза превышает общее число схождений хадза со *всеми* койсанскими подгруппами; во-вторых, большинство из них не может быть рационально объяснено как «омотизмы» в хадза. И дело здесь не только в том, что 20 % заимствований в пределах стословного списка — явление крайне редкое. Наблюдается также целый ряд нетривиальных соответствий. Например, в двух случаях омотский глоттализированный веларный *k* в хадза соответствует глоттализированной латеральной аффрикate *ʃ* ('голова', 'кость'), несмотря на то, что в фонологической системе хадза есть и *k*.

Для того чтобы как-то реально продвинуться в сторону выяснения «хадза-афразийской» проблемы, разумеется, необходимо провести предварительные лексико-статистические подсчеты и с другими ветвями афразийской семьи. Здесь обнаруживается любопытный результат: наиболее хорошо изученные ветви афразийской семьи — семитская и берберская — при подсчетах дают результаты, значительно уступающие хадза-омотским и скорее сопоставимы с числами, получающимися при хадза-койсанском сравнении. По сути, совпадения здесь ограничиваются местоимениями и единичными параллелями типа прасем. **dam*- 'кровь' \diamond хадза *ʔathama*.

Несколько лучшие результаты дают чадско-хадза и кушитско-хадза сравнения. Небольшое количество любопытных параллелей в чадских языках приводится уже в статье Элдеркина, например, працад. *z-m* 'есть' \diamond хадза *seme*; працад. *d-z* 'красный' \diamond хадза *tese*. Впрочем, и здесь очевидна разница: 22 сравнениям с относительно небольшой омотской группой противостоят всего восемь с колоссальной чадской ветвью.

При сопоставлении хадза с (предположительно) общекушитскими основами стословного списка результаты выглядят следующим образом (кушитский материал приводится по [Blažek 1997]):

heḵwa 'кора' < аунги *paag*, дахало *paḵo*, квадза *paḷuko*;
kaḵe 'кусать' < дахало *ḵaḵ-*, праиракв **kiḵ-*;
ono 'я' < беджа *ane*, праагав. **ʔan-*, правост.-куш. **ʔan-t-* и др.;
haḥa 'лист' < праагав. **xac-/ʔac-*, консо *háašša* и др.;
ʔawani- 'рот' < беджа *yaf*, праагав. **af-* и др.;
ʔišo 'солнце' < правост.-куш. **ʕaz*, квадза *aso* и др.;
te 'ты' < праагав. **ʔant*, правост.-куш. **ʔatu/i*, дахало *ʔatta*.

В целом налицо те же самые параллели, что и в омотском, но в несколько меньшем количестве (единственное исключение — 'солнце').

Такие результаты не должны нас особенно удивлять, т.к. внутри самой афразийской семьи количество совпадений между живыми языками различных подгрупп (а в случае хадза-афразийского сравнения мы, по крайней мере со стороны хадза, вынуждены оперировать нереконструированными данными) зачастую столь же ничтожно: так, семитско-омотские совпадения обычно колеблются в диапазоне от 7 до 3 %.

По сути, вопрос о связях между хадза и афразийскими языками невозможно отделить от вопроса о статусе самой афразийской семьи — ее возрасте, составе и внутренней классификации. Если верна гипотеза, согласно которой кушитско-омотские языки составляют первую ветвь, отделившуюся от общеафразийского ствола (что в целом подтверждается лексико-статистическими данными по выборочным спискам, составленным А.Ю. Милитаревым и О.В. Столбовой), то это хорошо согласуется с данными, полученными при сопоставлении с хадза; в этом случае не исключено, что последний исторически относится к той же ветви, что и объясняет столь незначительные схождения с семитскими и берберскими.

В плане грамматики хадза в целом невозможно охарактеризовать как «типично афразийский» язык: он не обладает развитой системой глагольного спряжения и рудиментарен в плане

именного словоизменения. Тем не менее, учитывая, что до сих пор не разработана система четких грамматических критериев, по которым мы могли бы отличать афразийские языки от неафразийских, нельзя делать категорических выводов. Здесь было бы кстати упомянуть и небезызвестный феномен «смешанного» языка ма'а (мбугу), грамматика которого почти целиком заимствована из языков банту, но лексика однозначно свидетельствует в пользу его принадлежности к кушитским (в подобного рода спорных вопросах мы придерживаемся точки зрения, что именно лексика должна в первую очередь определять генетическую принадлежность языка).

Вышесказанное не означает, что в хадза вообще отсутствуют служебные или полуслужебные морфемы, сопоставимые с афразийскими. Так, Элдеркин отмечает сходство между такими родовыми показателями хадза, как *-n-* для мужского и *-t-* для женского рода (в составе посессивных маркеров *-ne/-ni*, *-te/-ti*), и соответствующими показателями в ряде афразийских языков.

Особенно впечатляет в хадза система личных местоимений 1 и 2 л. Основные общекойсанские местоименные основы предварительно восстанавливаются как **η* (южно-койсан. **η*, северно-койсан. **m < *η*) и **tV* (центрально-койсан. **tV*, сандаве *ci < *ti*) для 1 л. и **a* для 2 л. (северно- и южно-койсан. **a*, центрально-койсан. **s-a*, **c-a* с префиксальными показателями рода; квади *s-a*, возможно, также сандаве *hapi* при условии суффиксальности *-pi*). Если местоимение 1 л. в хадза (*ono*, суффикс. *-na*) еще как-то можно связать с **η* (хотя исчезновение заднеязычной артикуляции требует специального объяснения), то 2 л. *te* (суффикс. *-ta*) не имеет никаких аналогов в койсанских языках.

Попытка Г. Хонкена выйти из положения, предположив для хадза своеобразную «рокировку» местоимений 1 и 2 л., начавшуюся с форм мн. ч. и впоследствии по аналогии перенесенную и на ед. ч., остроумна, но в высшей степени маловероятна (подробнее см. [Honken 1977: 154–156]).

Бросается в глаза очевидное сходство этой системы с афразийской, где оппозиция между 1 и 2 л. в большинстве подгрупп имеет вид **nV / *tV*. (В большинстве омотских языков она оказывается «перевернута», по-видимому, в результате вторичного слияния с какими-то префиксальными элементами, но общеафразийский характер ее неоспорим).

Хуже обстоит дело с соответствующими формами мн.ч., где в афразийских языках обычно также представлены формы с носовыми согласными, в то время как в хадза имеем соотв. *u-* (м. р.) / *o-* (ж. р.) для 1 л. и *i-* (м. р.) / *e-* (ж. р.) для 2 л. Но даже и здесь обнаруживаются любопытные «периферийные» омотские параллели: в целом ряде южно-омотских языков (диме, хамер, ари, галила и др.) формы 1 и 2 л. мн.ч. сводимы к праформам **wV-tV* и **ye-ta*. В [Zaborski 2004] их появление в омотских языках приписывается нило-сахарскому влиянию, но нельзя исключить и архаичный их статус.

Нам остается как-то разобраться со следующим вопросом: если хадза на самом деле относится не к койсанским, а к афразийским языкам (хотя бы и в качестве «дальнего родственника»), чем в таком случае объясняется его типологическая близость к койсанскому «типу» (в первую очередь — наличие развитой системы кликсов), равно как и те немногочисленные, но все же во многом явно неслучайные лексические сопоставления между ним и койсанскими языками, отмеченные Дж. Гринбергом, К. Эретом и другими исследователями.

В этой связи нельзя не вспомнить про южнокушитский язык дахало — единственный афразийский язык, фонологическая система которого содержит кликсы. Эта уникальная черта, как правило, объясняется исследователями как следы активных контактов с койсанами, начавшихся еще в общеюжнокушитский период и достигших своеобразного апогея в конкретном случае дахало (см., например, [Nurse 1986]) — даже несмотря на то, что большинство лексем дахало, содержащих кликсы, оказывается

невозможным убедительно этимологизировать на койсанской почве.

Тем не менее даже беглого знакомства с материалом дахало достаточно для того, чтобы убедиться, что ситуация здесь серьезно отличается от ситуации с хадза. Общее количество корней с кликсами не превышает нескольких десятков (в хадза — порядка 20 %), причем большая часть этой лексики носит либо культурный, либо звукоподражательный характер; сами кликсы при этом не различаются по месту образования (присутствуют только оппозиции по назальности и лабиализованности). Подобная бедность системы однозначно говорит об адстратном характере «кликсованной» лексики в этом языке. На фоне столь низкой степени «встроенности» кликсов в структуры дахало их поведение в хадза, безусловно, производит впечатление исконности или по крайней мере гораздо большей древности.

Примиришь эту «исконность» с афразийскими (или южно-афразийскими) лексическими пластами в хадза может лишь сценарий, согласно которому первоначально хадза действительно говорили на одном из койсанских языков, однако впоследствии под сильным афразийским влиянием перешли на некойсанское общение, сохранив, однако, большое количество койсанской лексики в качестве субстратной. Это же объясняет и серьезные расхождения в области грамматики, в которой можно найти сходства как с койсанскими, так и с афразийскими языками, но ни те, ни другие не являются решающими.

Отметим, впрочем, что не все корни хадза, содержащие кликсы, следует автоматически относить к койсанскому субстрату. Выше уже было приведено несколько примеров, где омотским смычным в хадза соответствуют кликсы ('собака', 'полный').

Какие практические выводы можно сделать из всего вышеописанного? В первую очередь, по-видимому, тот, что всякие попытки систематически привязать хадза к той или иной африканской макросемье (с установлением системы соответствий,

составлением этимологического корпуса и т.п.) должны быть отложены вплоть до прояснения ситуации внутри самих этих семей, т.е. до появления серьезных этимологических словарей койсанских и афразийских языков (общекойсанская реконструкция на сегодняшний день еще не проведена; что же касается существующих афразийских реконструкций, то самой слабой их частью, пожалуй, является именно кушитский и омотский материал, т.е. как раз те ветви, которые по отношению к хадза представляют наибольший интерес).

Второй очевидный вывод: типологическое сходство, сколь бы сильным оно ни было, не должно доминировать в сравнении над конкретными сопоставлениями сегментных форм. Представляется, что именно «магия кликсов» в первую очередь виновна в том, что интереснейшие сравнительные наброски Д. Элдеркина остались практически без внимания среди исследователей, в то время как сомнительные и противоречивые хадза-койсанские «этимологии», наоборот, затмили все прочие гипотезы.

Литература

Blažek V. Cushitic Lexicostatistics: the second attempt // *Afroasiatica Neapolitana*. Napoli: Istituto Universitario Orientale, 1997. P. 171–188.

Bleek D.F. *A Bushman Dictionary*. American Oriental Series, vol. 41. New Haven, Connecticut, 1956.

Ehret Ch. Proposals on Khoisan reconstruction // *African hunter-gatherers (international symposium)* / Ed. by F. Rottland & R. Vossen. *Sprache und Geschichte in Afrika*, special issue 7(2). Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1986. P. 105–130.

Elderkin D. On the Classification of Hadza // *Sprache und Geschichte in Afrika* 4. 1982. P. 67–82.

Greenberg J. *The Languages of Africa* / Ed. by C. F. Voegelin. Research Center for the Language Sciences, 25. Bloomington. Indiana University, 1966.

Güldemann T., Edward D.E. On external genealogical relationships of the Khoe family // Brenzinger Matthias and Christa König (eds.). *Khoisan*

languages and linguistics: the Riezlern symposium 2003 (Quellen zur Khoisan-Forschung 17). Köln: Rüdiger Köppe (forthcoming).

Honken H. Submerged features and proto-Khoisan // Khoisan linguistic studies 3 / Ed. by Anthony Traill. Communications from the African Studies Institute, no 6. Johannesburg: University of the Witwatersrand, 1977. P. 145–169.

Nurse D. Reconstruction of Dahalo history through evidence from loanwords // Sprache und Geschichte in Afrika 7.2. 1986. P. 267–305.

Sands B. Eastern and Southern African Khoisan. Evaluating claims in distant linguistic relationships // Research in Khoisan studies / Ed. by Rainer Vossen, Quellen zur Khoisan-Forschung. Bd 14. 1998. P. 256.

Starostin G. A lexicostatistical approach towards reconstructing Proto-Khoisan // Mother Tongue. VIII. 2003. P. 63–80.

Starostin G. From Modern Khoisan languages to Proto-Khoisan: the value of intermediate reconstructions // Аспекты компаративистики 3. М., 2007.

Traill A. «N4 or S7»: another Bushman language // African studies. 32 (1). Johannesburg, 1973. P. 25–32.

Zaborsky A. West Cushitic — A genetic reality // Lingua Posnaniensis. 46. 2004. P. 173–186.